

«КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА» И «ВОЗДЕЙСТВИЕ»: СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ

Статья продолжает серию публикаций, посвященных исследованию криминалистической характеристики личности преступника. Автор ставит целью показать содержательную взаимосвязь между понятиями «криминалистическая характеристика личности преступника» и «воздействие».

Исследование личности преступника в криминалистической науке проводится в рамках как криминалистической методики расследования преступлений, так и криминалистической тактики, что объясняется своеобразным сквозным характером подобных исследований, в определенной степени общностью познавательных задач в основных структурных разделах криминалистики. Однако если в криминалистической методике расследования преступлений исследование личности преступника ведутся в рамках такого понятия, как «криминалистическая характеристика преступления», где традиционно личность преступника выступает структурным образованием указанного понятия, то в рамках криминалистической тактики подобного не наблюдается.

Понятийное пространство криминалистической тактики фактически не содержит в себе определений, через которые раскрывается содержание тактически значимой информации о личности преступника. Возникает парадокс: исследования личности преступника в криминалистической тактике ведутся с момента возникновения криминалистической науки, а понятия, включающего тактическую составляющую исследований личности преступника, не существует. Чтобы продемонстрировать ситуацию, в которой существует подобный познавательный нонсенс, рассмотрим вкратце базовые понятия криминалистической тактики.

Как процесс перехода от незнания к знанию деятельность по расследованию преступлений может быть разделена на определенные этапы в зависимости от характера производимых с информацией операций, состояния знаний об объекте расследования [1. С. 17]. В зависимости от исследовательских задач мы можем говорить либо об этапах процесса расследования, либо об их образующих элементах – следственных действиях.

В научной литературе существует несколько точек зрения на понятие «следственные действия». Так, Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин отмечают, что под ними подразумеваются «процессуальные действия, направленные на выявление, закрепление и проверку следов преступления, проводимые на определенном этапе уголовного производства – с момента возбуждения уголовного дела до ознакомления обвиняемого с материалами дела» [2. С. 108]. Н.С. Алексеев под следственными действиями понимает «регламентированные уголовно-процессуальным законом действия, которые непосредственно направлены на обнаружение, закрепление, проверку, исследование и оценку доказательств» [3. С. 227].

А.К. Гаврилов и другие авторы уточняют, что следственные действия – это предусмотренная законом и обеспеченная государственным принуждением совокуп-

ность приемов и операций, которые осуществляются при расследовании преступлений для обнаружения, фиксации и проверки фактических данных, имеющих значение доказательств по уголовному делу [4. С. 21]. А.Б. Соловьев и Г.С. Казинян определяют следственные действия как подробно регламентированные уголовно-процессуальным законом и применяемые в целях собирания (формирования) доказательств действия, имеющие познавательный и удостоверительный аспекты (стороны) и включающие систему взаимосвязанных операций, которые обусловлены своеобразным сочетанием в каждом из них общенаучных методов познания, соответствующих особенностям следов преступления [5. С. 23]. А.А. Чувилев определял следственные действия как группу уголовно-процессуальных действий органа предварительного расследования, являющихся основными средствами в установлении обстоятельств, имеющих значение для дела и характеризующихся детальной самостоятельной процедурой производства [6. С. 42].

Ориентируясь в том числе и на криминалистический аспект, С.А. Шейфер определяет следственное действие в познавательном аспекте как способ собирания, «формирования» доказательств, представляющий собой регламентированный уголовно-процессуальным законом и осуществляемый следователем комплекс познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям определенных следов и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации [7. С. 19].

Экскурс в дискуссию о понятиях следственного действия был необходим для демонстрации согласия всех вышеперечисленных авторов в вопросе о содержании следственного действия, которое сводится к совокупности каких-либо мероприятий, соответствующих требованиям уголовно-процессуального закона, преследующих цель получения информации. Наиболее эффективные способы получения подобной информации в криминалистической науке находят отражение в учении о тактическом приеме.

Учение о тактическом приеме как криминалистически значимой составляющей следственных действий детально разработано в отечественной криминалистической науке.

Сущность «всякого тактического приема заключается в том, что это научная рекомендация, рассчитанная на то, что следователь, исходя из оценки ситуации, из обстоятельств дела, из особенностей психики людей, во взаимодействии с которыми проводится следственное действие, выбирает тактический прием, который является наиболее целесообразным для данного случая» [8. С. 22].

Как видно, учение о тактическом приеме базируется на криминалистическом анализе:

– ситуации;

– обстоятельств дела (в силу своей многофакторности процесс исследования всех обстоятельств дела, на наш взгляд, в течение значительного времени будет относиться скорее к области искусства, чем к научному знанию);

– особенностей психики лиц, во взаимодействии с которыми проводится следственное действие.

Выделенный как сущностная составляющая тактического приема (центрального понятия криминалистической тактики) последний фактор в криминалистической науке на понятийном уровне пока не нашел должного отображения. Именно указанные особенности психики лиц являются содержанием криминалистической характеристики личности преступника в тактическом аспекте.

Объективности ради заметим, что в криминалистической тактике имеются отдельные понятия, которые отражают отдельные значимые в тактико-криминалистическом смысле элементы личности преступника, такие, например, как защитная доминанта, однако они локальны и в исследовании личности преступника в целом недостаточны.

Исследования различных аспектов личности преступника как элемента криминалистической характеристики преступления должны быть «сквозными», затрагивающими как раздел криминалистической методологии, так и раздел криминалистической тактики. Отметим, что в силу специфических задач, стоящих перед криминалистической тактикой, исследования криминалистической характеристики личности преступника должны быть сфокусированы на функционально значимом для данного структурного раздела криминалистики аспекте [9. С. 190–192].

Справедливо отмечалось, что необходимость исследования личности преступника в тактическом аспекте в рамках криминалистической характеристики личности обвиняемого обусловлена объективными потребностями предварительного следствия, необходимостью дальнейшего расширения и углубления научно-теоретических и прикладных исследований общей проблемы предварительного расследования – изучения личности обвиняемого, поиска путей оптимизации как изучения личности обвиняемого, так и использования собранных сведений о личности преступника при проведении отдельных следственных действий [10. С. 39].

Исходя из сущности базового для криминалистической тактики понятия – тактического приема, мы полагаем, что в криминалистической тактике целесообразно выделять и исследовать такие структурные элементы криминалистической характеристики личности преступника, которые предполагают возможность эффективного воздействия на него со стороны другого лица, в нашем случае – следователя.

«Воздействие» как научная категория не нашло широкого отображения в криминалистической литературе. Возможно, потому, что у некоторых авторов с ним ассоциируются действия по подавлению воли оппонента. Определение воздействия носит двоякий характер.

Некоторые авторы полагают, что воздействие – это то, что способно изменить установки и поведение индивида или тип отношений между участниками деятельности [11. С. 101]. Позиция же других исследователей сводится к тому, что воздействие – это целенаправленный перенос движения и информации от одного участника взаимодействия к другому [12. С. 58]. Нам ближе позиция второй группы авторов, так как она напрямую не предполагает негативности воздействия.

В последнее время термин «воздействие» стал часто встречаться в работах, посвященных отдельным вопросам криминалистической тактики [13. С. 194–196; 14. С. 142–146; 15. С. 174–177]. Дело в том, что результатом развития учений о ролевом поведении и жизненных сценариях явилось понимание «воздействия» как неотъемлемого атрибута взаимодействия индивидуумов [16. С. 17].

Учитывая, что категория воздействия является основным содержательным фоном существования такого образования, как тактический прием, мы посчитали целесообразным рассмотреть содержание и механизм воздействия более подробно. Воздействие – это ведущий внутренний механизм всякого тактического приема, определяющий результативность использования последнего применительно к конкретному субъекту.

Воздействие есть неперенный элемент общения в частности и взаимодействия лиц в целом. Представляется, что запретительный тип правового регулирования содержания и степени воздействия на подследственного нецелесообразен ввиду слишком большого количества сфер, в которых подобное воздействие должно быть предусмотрено и регламентировано. Объективно поэтому использование типа общедозволительного, направленного на те формы воздействия, которые прямо не регламентируются уголовно-процессуальным и уголовным законом. Уголовно-процессуальный и уголовный закон запрещают незначительный по объему список мер воздействия (Уголовный кодекс РФ включает норму о запрете оскорбления и клеветы, Уголовно-процессуальный – шантаж, угрозы, пытки, наводящие вопросы, другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение). Весь остальной спектр воздействия на подследственного закон оставляет на усмотрение уполномоченных лиц.

Этический аспект воздействия на лицо в процессе расследования преступлений чрезвычайно сложен [17–19]. С одной стороны, отношения, соответствующие этическим нормам и морально-нравственным традициям, предполагаются обязательными для всех членов общества. С другой – некоторые разновидности профессиональной деятельности предполагают и даже считают целесообразным игнорирование ряда этических запретов. Так, врач ради психологического комфорта обманывает тяжело больного, говоря ему о перспективах выздоровления; педагог ради сохранения мотивации к обучению вводит в заблуждение ученика о степени его способностей; психолог ради адаптации клиента не раскрывает ему в полной мере причины его психотического отклонения; офицер в целях повышения личной дисциплины солдата существенно ограничивает его потребность в свободе. Подоб-

ный список безграничен, а сама возможность его существования предопределена объективной необходимостью, вытекающей из потребности человека в профессионалах определенного типа.

Рассмотренные формы отхода от канонических этических правил являются нарушением с точки зрения общей этики, но объективно необходимыми с точки зрения этики профессиональной. Представляется, что следственная деятельность регулируется преимущественно нормами профессиональной этики, которая предполагает в зависимости от ситуации любое психологическое воздействие на подсудимого, если оно прямо не противоречит уголовно-процессуальному закону, хотя в криминалистике есть и противоположное мнение [20. С. 101; 21. С. 87–97]. При проведении отдельных следственных действий прежде всего необходимо определить потенциальные возможности воздействия на подсудимого, после чего выделить те элементы криминалистической характеристики личности преступника, которые не приспособлены к воздействию, и раскрыть формы подобного воздействия.

Учитывая значимость воздействия на подсудимого в криминалистической тактике, необходимо затронуть вопрос о степени характерности его для всех следственных действий. Разнообразные способы получения информации, имеющей значение для расследования преступления, обусловили выделение самостоятельных следственных действий. Понятно, что ряд следственных действий по своему содержанию радикально отличаются друг от друга.

В вопросе о криминалистической классификации следственных действий мы склонны ориентироваться на классификацию следственных действий на вербальные и невербальные, которую предложил В.А. Образцов [22. С. 266–267]. За этой, на первый взгляд, очень простой классификацией стоит видение криминалистически значимого (а не уголовно-процессуального) понимания сущности следственного действия, понимание «духа» следственного действия, что делает возможным выделение криминалистически значимых классификационных групп следственных действий.

Несмотря на то, что в основу рассматриваемой классификации положен только речевой фактор (фактор формы общения), представляется, что именно он и делит на два массива такие различные образования, как следственные действия. Действительно, степень отсутствия или наличия в следственном действии возможности общения радикально меняет характер и главное – спектр используемых тактических приемов.

Ранее уже говорилось, что одним из базовых элементов общения является воздействие. Соответственно, группировка следственных действий производится, исходя из возможности воздействия следователя на иных участников расследования. Воздействие на преступника наблюдается фактически во всех следственных действиях, однако в одних следственных действиях потенциал его крайне велик (допрос, очная ставка); в других – значителен (обыск, возможно, хотя и не бесспорно, выемка); в третьих – не первостепенен, однако само проведение следственного действия крайне затруднительно, если подобного воздействия не наблюдалось в на-

чальной стадии данного следственного действия (воздействие в форме оптимизации психологического состояния лица, его адаптация к условиям проведения следственного действия во время предъявления для опознания, проверки показаний на месте, следственного эксперимента). Криминалистическая характеристика личности преступника выступает в этих следственных действиях как ориентир оптимальности той или иной разновидности воздействия, своеобразным указателем на содержание воздействия со стороны следователя.

Вышеназванные следственные действия входят в группу вербальных, а приемы воздействия, используемые при их проведении, определяют их эффективность.

Совершенно иное содержание у такого следственного действия, как экспертиза, освидетельствование и осмотр места происшествия, образующих группу невербальных следственных действий.

Так, осмотр места происшествия как исследовательское пространство предоставляет большое число возможностей для криминалистического изучения личности преступника, однако подобное изучение будет происходить не через призму воздействия, а в процессе реконструкции элементов личности преступника по следам преступления.

Ранее мы говорили, что структура тактического приема включает в себя три составных элемента – сам алгоритм воздействия; личностные особенности лица, на которое оказывается воздействие с целью индивидуализации применения тактического приема, и личностные особенности лица, оказывающего воздействие на другого с указанной целью. Криминалистическая характеристика личности преступника в тактическом аспекте ориентирована на содержательную сторону второго элемента тактического приема – личность, на которую оказывают воздействие.

С учетом сказанного сформулируем базовые алгоритмы воздействия на элементы криминалистической характеристики личности преступника в процессе проведения вербальных следственных действий. Принцип преемственности идей в научном исследовании предполагает ориентацию на структуру криминалистической характеристики личности преступника как общей познавательной модели. Специфику тактического аспекта использования криминалистической характеристики личности преступника мы видим не в выделении новых структурных элементов этой характеристики, а в приспособлении ранее выделенных к целям рассматриваемого криминалистического раздела. Итак, областями воздействия на личность преступника (естественно, в определенной степени условными, так как любые сложные структуры являются в этой же мере условными) будут являться:

- сфера ценностей личности (то, что представляет для человека интерес во внешнем мире);
- сфера отношений личности (то, чем руководствуется человек для достижения своего интереса);
- сфера притязаний личности (то, каким способом человек реализует свой интерес).

Результатом воздействия со стороны следователя на личность преступника будет либо трансформация элементов криминалистической характеристики лич-

ности преступника, либо их ситуационная модификация. В идеале целью тактического приема является достижение таких изменений в личности преступника, которые бы обладали свойствами длительности и глубинности. Например, преступник, уличенный следователем во лжи, признает свое поражение и дает чистосердечное признание, признавая свою неправоту и/или интеллектуальное превосходство следователя (трансформация тактически значимых элементов криминалистической характеристики личности преступника). Однако на практике гораздо чаще встречаются ситуации, когда избалованный во лжи преступник конструирует новую ложь, неважно, сформулированную непосредственно на допросе либо запасную домашнюю «заготовку». Важно, что вторая попытка потому преступником неосознанно считается запасной, что качественно уступает основной. Как следствие – развенчать вторую попытку проще, чем первую. Чем больше таких поражений терпит воздействуемое лицо, тем выше вероятность формирования установки на неотвратимость разоблачения подобных попыток следователем. Именно это мы подразумеваем, говоря о ситуационных модификациях элементов криминалистической характеристики личности преступника как результате воздействия со стороны следователя.

Проиллюстрируем вышесказанное применительно к ожидаемому результату тактического воздействия на элементы структуры криминалистической характеристики личности преступника (рис. 1).

Криминалистически значимое воздействие на элементы структуры криминалистической характеристики личности преступника в криминалистической так-

тике немислимо без исследования определенных данных, характеризующих личностную сферу лица, на которое оказывается воздействие. Так, ценностно-нормативная сфера (уровень ценностей криминалистической характеристики личности преступника) является результатом социализации человека в обществе. Показателем данной социализации выступает, прежде всего, такая составная часть личности, как характер – центральная единица психологического статуса личности преступника. Биографические данные о личности преступника, соответственно проанализированные, продемонстрируют следователю возможность эффективного воздействия на уровень ценностей личности преступника.

Поведение личности есть проявление ее адаптационных процессов в конкретных жизненных ситуациях. Именно поэтому поведенческие реакции демонстрируют нам характерные черты уровня отношений личности преступника как структурного элемента его криминалистической характеристики. Информационными блоками, на базе которых происходит анализ содержания уровня отношений рассматриваемой личности, будут выступать вербальные и невербальные реакции.

Выделив факторы психологического статуса и поведенческих реакций, т.е. категории, ориентированные на элементы личности и элементы реакции личности в среде, необходимо выделить фактор, который связывает два вышеназванных. Это фактор психологических состояний личности (в тактическом аспекте являющийся содержанием уровня притязаний криминалистической характеристики личности преступника), который базируется на психологическом статусе, адаптируя поведенческие реакции.

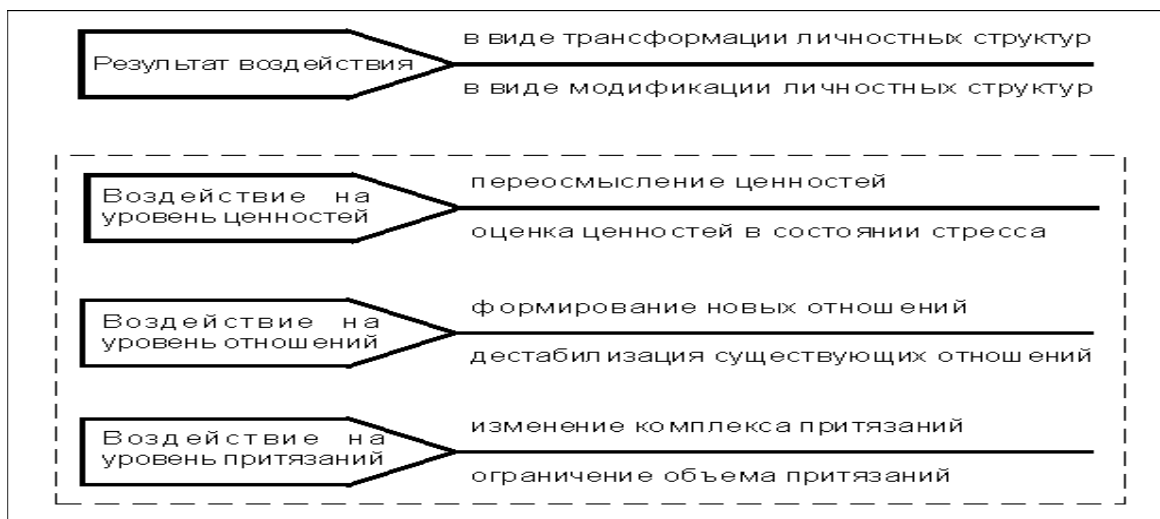

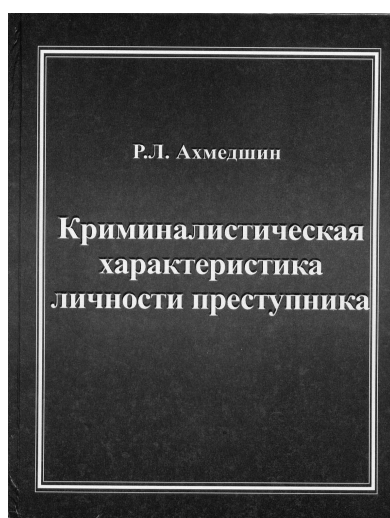
Рис. 1. Результат воздействия на структуру криминалистической характеристики личности преступника: обведенная сплошной линией зона – структура криминалистической характеристики личности преступника, над чертой – результат воздействия в виде трансформации, под чертой – в виде модификации структур криминалистической характеристики личности преступника

ЛИТЕРАТУРА

1. Образцов В.А. Выявление и избаловление преступника. М.: Юристъ, 1997.
2. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М.: ЮЛ, 1965.
3. Советский уголовный процесс. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.

4. Гаврилов А.К. и др. Следственные действия по советскому уголовно-процессуальному праву. Волгоград: ВШ МВД ССР, 1975.
5. Казинян Г.С., Соловьев А.Б. Проблемы эффективности следственных действий. Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1987.
6. Чувпиев А.А., Добровольская Т.Н. Особенности преподавания курса уголовного процесса в вузах МВД СССР // Вопросы методики чтения проблемных лекций по Особенной части: Учеб.-метод. материал. М.: ВШ МВД СССР, 1986.
7. Шейфер С.А. Следственные действия: основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004.
8. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М.: Изд-во МГУ, 1984.
9. Ведерников Н.Т. Изучение личности обвиняемого и пути повышения эффективности отдельных следственных действий // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. С. 190–192.
10. Кривошеин И.Т. Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.
11. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Изд-во МГУ, 1980.
12. Психология: Словарь. М.: Политиздат, 1990.
13. Адамова И.А. К вопросу о проблеме допустимости психологического воздействия на допрашиваемого // Российское правоведение на рубеже веков. Томск, 2004. Ч. 4. С. 194–196.
14. Аминов И.И. Занимательная психология для юристов. М.: Закон и право, 2001.
15. Мазушин Я.М. Использование приемов эмоционального воздействия при допросе как средство преодоления противодействия расследованию // Совершенствование государственной политики противодействия правонарушающему поведению. Омск: Омская академия МВД России, 2002. С. 170–179.
16. Кабаченко Т.С. Методы психологического воздействия. М.: Педагогическое общество России, 2000.
17. Ароцкер Л.Е. Тактика и этика судебного допроса. М.: ЮЛ, 1969.
18. Комиссаров В.И. Научные, правовые и нравственные основы следственной тактики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980.
19. Любичев С.Г. Этические основы следственной тактики. М.: ЮЛ, 1980.
20. Абраменкова В.С. Некоторые вопросы тактики и психологии допроса обвиняемого по существу обвинения // Сибирский юридический вестник. 2001. № 4 (15). С. 100–102.
21. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. М.: Высшая школа, 1973.
22. Образцов В.А. Криминалистика: Курс лекций. М.: Право и закон, 1996.

Статья представлена кафедрой криминалистики Юридического института Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Юридические науки» 28 сентября 2005 г.

Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 210 с.

ISBN 5-7511-1914-2

Монография посвящена актуальным проблемам исследования личности преступника в криминалистике. Концепция проведенного исследования основывается на предлагаемой автором систематизации криминалистически значимой информации о лице, совершившем преступление. Разработанная структура личности преступника положена в основу описываемых в работе практических рекомендаций по повышению эффективности расследования преступлений.

Для научных и практических работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также широкого круга читателей.